

A.A. Makarova
(Yekaterinburg, Russia)

THE SEMANTIC AND ETYMOLOGICAL INTERPRETATIONS OF SOME LANDSCAPE TERMS IN THE SUBSTRATE TOPONYMY OF BELOZERYE

The report examines landscape terms, evidenced in substrate toponymy of Belozerye, etymology of which caused a problem: the discrepancy between the intended semantics in the source language and the object, denoted by the place name, and/or appellative semantics in Northern Russian dialects; the necessity to choose from several homonymous etymons, etc. Semantic groups are identified which are most often added to the composition of landscape terminology in the toponymy: weather vocabulary; the vocabulary related to the naming of shape. The report discusses alleged continuations of the proposed etymons in modern Finnic languages and Northern Russian dialects, which enables better explicate semantic history of the studied lexems.

Key words: toponymy, substrate, Belozerye, landscape terminology, semantic reconstruction, etymology.

<https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.235>

И.И. Муллонен
(Петрозаводск, Россия)

БОЛЬШИЕ ДВОРЫ – НОВГОРОДСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ОЙКОНИМИИ КАРЕЛИИ

В статье рассматривается генезис и функционирование на территории Карелии ойконимов *Большой Двор* в контексте событий социальной истории и становления системы расселения в крае. Анализируется ареальное противостояние моделей *Большой Двор* – *Великий Двор*, истоки которого предлагается искать в их разной хронологии.

Ключевые слова: ойконимия, термины землевладения, ареальная дистрибуция, Карелия, Новгород.

В топонимии Карелии сохранилась память о целом ряде терминов – обозначений разного рода сельских поселений, бытовавших в прошлом. В Карелии – районе активного языкового и этнокультурного контактирования – сложились две терминологических системы – прибалтийско-финская и русская. При этом их взаимовлияние носит разноуровневый характер. В то время как карело-вепская терминология оставила след только в топонимии «русской» Карелии (напр., неоднократно дер. *Конда* или *Кондуша*: карел. *kondu*, вепс. *kond* ‘крестьянский двор с прилегающим участком

земли'), некоторые русские термины – в силу официального статуса языка – были заимствованы в прибалтийско-финские языки (напр., вепс. *posad* 'деревня' ← рус. *посад*). В топонимии закрепились вышедшие из активного бытования *боярщина*, *волость*, *займище*, *погост*, *посад*, *посиденье*, *починок*, *пустошь*, *селище*, *слобода*, *усадище* и некоторые другие. При этом подавляющее большинство их появилось на территории Карелии уже после новгородского этапа ее истории, т.е. присоединения новгородских земель к Москве в 1478 году. Считается, к примеру, что даже такой ординарный для названия сельского поселения термин как *деревня* принесен в бывшие новгородские земли составителями московских писцовых книг. Актовый материал XIV–XV веков Новгородской земли именовал их *селами* или *селищами* [Кочин 1965].

В статье рассматривается топонимическое наследие новгородского термина землевладения *большой двор*. Топонимы *Большой Двор* (в документах *Болюй Двор*), называющие селения – в прошлом центры боярских владений, куда свозился оброк из подвластных деревень – яркие маркеры домосковской истории Карелии, хранящие память о временах новгородского боярского владычества. В документах писцового дела по территории Обонежской пятины, относящихся уже к московскому этапу, XV–XVII вв., зафиксировано около двух десятков *Больших Дворов*, при этом подавляющее большинство их локализуется вокруг Онежского озера (погосты Шуйский, Шунгский, Толвуйский, Кижский, Пудожский, Андомский, Вытегорский). Собственно, Обонежье представляло собой северо-западную окраину обширного ареала этой топонимной модели, которая широко бытовала (в определенной степени бытует и сейчас) в землях Великого Новгорода с той лишь оговоркой, что за пределами собственно Обонежья наравне с ней, а на самом деле значительно шире использовалась синонимичная модель *Великий Двор* (о Белозерье см., например, [Макарова 2014]). А вот за западными окраинами Обонежья на территории Карелии, тяготеющей к Приладожью, исторические источники отмечают лишь единичные *Большие Дворы* в окрестностях старинного Олонца. Такая дистрибуция вызвана, очевидно, разной владельческой принадлежностью земель в Обонежье и восточном Приладожье: в то время как земли Обонежья принадлежали разным боярским домам и в меньшей степени монастырям (которые тоже имели свои большие дворы), подавляющее большинство западных погостов имели одного владельца – новгородского архиепископа [Жуков 2013]. Эта ситуация, естественно, не предполагала такого множества центров, как при боярском владении.

Привлечение актов, берестяных грамот и других источников, а также археологическое обследование трех мест (в низовьях реки Шуи, на Кижском острове и в заонежской Толвуде), где размещались боярские большие дворы, позволило доказать, что последние существовали уже в XIII–XIV вв. [Спиридонов и др. 2012; Спиридонов 2004; 2014: 119]. В свою очередь, документы писцового дела однозначно

свидетельствуют, что *Большие Дворы* располагались, как правило, непосредственно рядом с погостами, причем их могло быть несколько, как, например, в центре Шунгского или Кижского погостов. Новгородские землевладельцы, имевшие волости в нескольких погостах на восточном берегу Онежского озера, размещали великие / большие дворы, в которые свозился оброк, в Андомском погосте, поскольку он стоял на важной торговой трассе [Соболев 2010: 192–195].

После присоединения Новгорода к Москве и конфискации боярских земель в 1478 г. большинство *Больших Дворов* перестало быть центрами боярского владения. Несмотря на это топоним продолжает исправно фиксироваться в документах московского писцового дела еще на протяжении нескольких сот лет. Однако время делает свое дело, и к XIX веку остаются единицы, из которых до XX в. доживает только *Большой Двор* в составе заонежской волости Шуньга, а также две деревни с названием *Великодворская* на восточном берегу Онежского озера – одна в составе с. Гакукса, другая – с. Каршево [СНМ 1926]. Что стало с остальными? Уже материалы писцового дела показывают, как рядом появляются отантропонимные названия, восходящие к именам крестьян, которые поселяются на месте бывших боярщин, в большинстве своем отошедших в дворцовое ведомство. Так, в 1563 г. *Большой Двор* в заонежской Кузаранде назван параллельно деревней *Васильевской* – очевидно, по Васюку Тихонову, двор которого отмечен в документе. Через сто с небольшим лет, в 1678 г., она уже известна как «дер. на Кузаранде Большой Двор, Тихновщина тож»: с большой долей вероятности в топониме сохраняется память о том же Васюке Тихонове. Дальше следы ее теряются. Вторые отантропонимные топонимы полностью вытесняют со временем *Большой Двор* из структуры ойконима, как это случилось в заонежской Сенной Губе: ряд «на Сенной Губе Большой Двор, словес у часовни Михайловская» (1563 г.) преобразуется к 1616 г. в «дер. У часовни Михайловская» и позднее в «дер. Михайловская» (1720 г.) [Витов, Власова 1974: 74]. В свою очередь, деревню «на Кижском острове Большой Двор у часовни» удалось отождествить с дер. Васильево, и сейчас существующей на Кижском острове [Воробьева 1991: 89]. В бывшей Сунской волости деревня «на усть Суны реки Большой Двор словес в Янишин поле» [ПКОП: 126] доживает вплоть до конца XVIII в. как «дер. Янишь поле Большой двор тож» [Карта 1970], однако ко второй половине XIX в. остается только Янишь-Поле [СНМ 1873: 7]. В отличие от более южных новгородских владений в Обонежье лишь единичные *Большие Дворы* оказываются в московское время переданы в помещичье владение. Видимо, именно с ними, а не с бывшими боярскими владениями связаны топонимы *Боярщина* в округе Олонца, Кижей, *Боярский Конец* в олонецкой Обже, *Боярская Гора* в Вытегорье на Тудозере.

На карте владений Новгородской республики просматривается явное противостояние моделей *Большой Двор* и *Великий Двор*. При этом северная граница *Великих*

Дворов проходит по юго-восточному Обонежью, по мере отступления от него к Белозерью и на восток – в районы современной Архангельской и Вологодской областей они становятся преобладающей, а в ряде районов единственной моделью (по данным картотеки Топонимической экспедиции Уральского университета). В свое время Ю.И. Чайкина на материале деловых документов предположила большую древность термина *великий двор* по сравнению с *большой*, отметив, что первоначально, в XII веке, первый использовался только для обозначения усадьбы великого князя, распространив затем свое функционирование и на обозначение боярских усадеб. К XV в. он исчезает из документов как новгородской письменности, так и Московской Руси, ей на смену приходит *большой двор*, доживающий до XVI в. [Чайкина 1977: 133–135]. Дальнейшее исследование показало, что топонимы *Великий Двор* и *Большой Двор* являются индикаторами новгородской боярской колонизации. При этом показательно, что на реках Сухоне, Уфтьюге, Кокшеньге (притоки Северной Двины), где проходила граница Новгородской республики и Московского княжества, наблюдается противостояние двух систем административных терминов землевладения, маркированных новгородскими топонимами *Великий Двор*, иногда *Большой Двор* и московскими *Княщина*, *Княжево* [Кузнецов 2013]. В свою очередь, ареальное распределение *Великих* и *Больших Дворов* накладывается в целом на маршруты новгородского продвижения на северо-восток – к Онеге и Северной Двине, которые на первых этапах (X–XII вв.) проходили через Белоозеро и Шекснинско-Сухонский водораздел, и лишь с усилением ростово-суздальской колонизационной волны переключились на Свирско-Онежский путь, что и повлекло за собой формирование Заонежья как административной области к середине XIII в. [Макаров 1997: 166–168; Жуков 2013: 151–157]. На более ранних маршрутах превалируют *Великий Дворы*, в то время как в Заонежье предпочтение отдается *Большим Дворам*. Надо полагать, что в это распределение укладываются и *Великие Дворы* южного Обонежья (совр. Вытегорский район), которые тяготеют к транзитному водно-волоковому пути, связывавшему издревле Белое и Онежское озера. Очевидно, смена модели произошла где-то на рубеже XII–XIII веков и была вызвана тем, что прилагательное *большой* начинает употребляться в форме положительной степени прилагательного [ЭССЯ, 2: 193–194].

Определенные указания на специфику (хронологическую?) в новгородском освоении Обонежья на фоне Белозерья и Подвинья просматриваются и в ареальных предпочтениях некоторых других топонимных моделей. В качестве примера сошлемся на дистрибуцию «речных» формантов *-ина* и *-ица*, из которых первая характерная для Присвирья и западного побережья Онежского озера (*Аштина*, *Савина*, *Марина*, *Ивина*, *Чебина* и др.), в то время как вторая (*Тамбица*, *Шалица*, *Возрица*) обходит Присвирье с юга и достигает Обонежья с восточного берега – так сказать, «в обход»,

если иметь в виду путь из новгородской округи. При этом модель *-ица* господствует на Русском Севере. В эту дистрибутивную схему укладывается, например, и гидронимия реки Мсты, рано включенной в маршруты новгородского продвижения в Белозерье, в которой потамонимы с концовкой *-ина* единичны на фоне массовой модели *-ица*, см. [Васильев 2017].

Примечание

Публикация подготовлена в рамках выполнения проекта РФФИ 19-012-00068 «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций».

Литература и источники

Васильев В.Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. 344 с.

Витов М.В., Власова И.В. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М.: Наука, 1974. 190 с.

Воробьева С.В. Опыт идентификации исторических поселений о. Кизи и его окрестностей по писцовым материалам и документам XVIII–XIX столетий // Вопросы изучения и издания писцовых книг и других историко-географических источников. Тез. докл. Петрозаводск. 1991. С. 86–91.

Жуков А.Ю. Самоуправление в политике России: Карелия в XII – начале XVII в. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2013. 492 с.

Карта 1790 – План Генерального Межевания Петрозаводского уезда. Масштаб межевой карты 4 версты в дюйме. 1790. // Режим доступа (свободный). URL: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-petrozavodskogo-uezda/ [Дата обращения: 15.04.2019].

Кочин Г.Е. Сельское хозяйство на Руси в период образования Русского государства (конец XIII – начало XVI в.). М.; Л.: Наука. Ленинградское отд-ние, 1965. 462 с.

Кузнецов А.В. Внутриволостные системы названий деревень Кокшеньги и соседних земель // Тарнога: Кокшеньгский край. Вологда, 2013. С. 232–258.

Макаров Н.А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.

Макарова А.А. Терминология землевладения в топонимии Белозерья // Ономастика Поволжья. Материалы XIV Международной научной конференции. Тверь, 10–12 сентября 2014 г. Тверь: Изд-во Марины Батасовой, 2014. С. 122–125.

ПКОП – Писцовые книги Обонежской пятины 1496 и 1563 гг. Л.: Наука, 1930. 254 с.

СНМ 1873 – XXVII. Олонецкая губерния. Список населенных мест по сведениям 1873 года. Издан Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел. Обработан старшим редактором Е. Огородниковым. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1879.

СНМ 1926 – Список населенных мест Карельской АССР (по материалам переписи 1926 года). Петрозаводск: Статистическое управление, 1928.

Соболев А.И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах его освоения // Вытегра: Краеведческий альманах. Вып. 4. Вологда: Изд-во ВГПУ, 2010. С. 185–296.

Спиридонов А.М. Средневековые поселения центра Толвуйского погоста // Кижский вестник. Вып. 9. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2004. С. 281–303.

Спиридонов А.М. Западное Прионежье: из «саамского железного века» в Средневековье. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 162 с.

Спиридонов А.М., Герман К.Э., Мельников И.В. Южное Заонежье в X–XVI веках (археология центра Кижского погоста). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 165 с.

Чайкина Ю.И. Из истории административной терминологии (слова с общим значением ‘усадьба феодала’) // Русская историческая лексикология и лексикография. 2. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1977. С. 133–141.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 2. Под ред. О.Н. Трубачева. М.: Наука, 1975. 238 с.

I.I. Mullonen

(Petrozavodsk, Russia)

BOLSHOI DVOR AS ANCIENT NOVGORODIAN MARK IN THE OIKONYMS OF KARELIA

The article discusses the genesis and existence of the place name *Bolshoi Dvor* ‘big yard’ in Karelia in the context of social history and the establishment of a settlement system in the region. The areal opposition of models *Bolshoi Dvor* – *Velikiy Dvor* is analyzed, the sources of this opposition are proposed to be found in their different chronologies.

Key words: oikonymy, terms of land tenure, areal distribution, Karelia, Novgorod.

<https://doi.org/10.34680/2019.onomastics.240>

Г.Д. Неганова

(Кострома, Россия)

ХОРОНИМЫ КОСТРОМСКОГО КРАЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЯЗЫКА КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА

Рассматриваются наименования станов и волостей, представляющие в костромской топонимии исторический пласт, охватывающий период с XV до конца XVIII в. Выявляются структурные особенности исторических хоронимов и закономерности их функционирования. Особое внимание обращается на существование топонимических вариантов, отражающих народную речь жителей конкретной территории.